

УДК 811.512.154'373.7+811.111'373.7

<https://doi.org/10.33619/2414-2948/128/60>

ЦВЕТОВАЯ МЕТАФОРИКА ЧЕРНОГО ЦВЕТА В КЫРГЫЗСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

©**Шаршенова Ж. М.**, ORCID: 0009-0001-3917-2585, Кыргызско-турецкий университет
Манас, г. Бишкек, Кыргызстан, maratovnazh13@gmail.com

©**Байгобылова Г. А.**, ORCID: 0000-0003-2204-1914, SPIN-код: 6895-4342, Кыргызско-турецкий университет Манас, г. Бишкек, Кыргызстан, gulnara.baygobylova@manas.edu.kg

COLOR METAPHORICS OF BLACK IN KYRGYZ AND ENGLISH LANGUAGES

©**Sharshenova Zh.**, ORCID: 0009-0001-3917-2585, Kyrgyz-Turkish Manas University,
Bishkek, Kyrgyzstan, maratovnazh13@gmail.com

©**Baigobylova G.**, ORCID: 0000-0003-2204-1914, SPIN-code: 6895-4342, Kyrgyz-Turkish
Manas University, Bishkek, Kyrgyzstan, gulnara.baygobylova@manas.edu.kg

Аннотация. В последние десятилетия лингвокультурология и когнитивная лингвистика активно обращаются к проблеме цветовой символики как отражению национальной картины мира. Целью настоящего исследования является выявление семантических значений черного цвета и сопоставление метафорических, фразеологических и паремиологических единиц с компонентами «кара» и «black» в кыргызском и английском языках. Материалом исследования послужили данные двуязычных словарей, сборников пословиц и поговорок, а также художественных текстов. В работе применялись сопоставительный, семантический, концептуальный и этимологический методы анализа. Установлено, что черный цвет обладает амбивалентной природой в обеих лингвокультурах: он выражает смерть, несчастье, зло и грех, что составляет значительную область совпадения. Вместе с тем обнаружены принципиальные культурно-специфические различия: в кыргызской культуре черный выступает маркером эстетической привлекательности (смуглая кожа, черные глаза, воронные волосы), тогда как в английском языке черный ассоциируется с расовой идентичностью, элегантностью и деловым успехом. Зафиксированы также различия в семантических полях «незаконное» и «тяжёлый труд». Сделан вывод, что культурно-исторический опыт народа является главным фактором формирования когнитивных различий в восприятии цветового концепта, а семантическое поле «кара» исторически шире, чем у «black».

Abstract. In recent decades, linguoculturology and cognitive linguistics have actively addressed the problem of color symbolism as a reflection of the national worldview. The aim of this study is to identify the semantic meanings of the color black and to compare metaphorical, phraseological, and paroemiological units containing the components «kara» and «black» in the Kyrgyz and English languages. The research material consists of bilingual dictionaries, collections of proverbs and sayings, and literary texts. Comparative, semantic, conceptual, and etymological methods were applied. The study found that black has an ambivalent nature in both linguocultures: it expresses death, misfortune, evil, and sin, which constitutes a significant area of convergence. At the same time, fundamental cultural-specific differences were identified: in Kyrgyz culture, black serves as a marker of aesthetic attractiveness (dark skin, black eyes, black hair), whereas in English it is associated with racial identity, elegance, and business success. Differences were also found in the semantic fields of «illegal» and «hard labor». It is concluded that the cultural and historical experience of a people is

the main factor determining cognitive differences in color concept perception, and that the semantic field of «kara» is historically broader than that of «black».

Ключевые слова: черный цвет, цветовая символика, кыргызская лингвокультура, английская лингвокультура, метафора, фразеология, паремия, концептуальный анализ.

Keywords: black color, color symbolism, Kyrgyz linguoculture, English linguoculture, metaphor, phraseology, paremiology, conceptual analysis.

Цвет занимает особое место в системе человеческой культуры и языка: цветовые обозначения закрепляют не только физические свойства объектов, но и культурные смыслы, отражающие специфику мировосприятия того или иного народа [1; 2].

Черный цвет занимает особое положение в цветовой картине мира большинства народов: с одной стороны, он несет мощную негативную символику — смерть, горе, зло; с другой, в ряде культур выступает маркером элегантности, красоты и статуса. Кыргызский и английский языки принадлежат к разным языковым семьям - тюркской и германской — и формировались в принципиально различных историко-культурных условиях. Их сопоставление позволяет выявить как универсальные, так и культурно-специфические механизмы метафоризации цветового значения. Именно ахроматические цветообозначения «ак» (белый), «кара» (черный) и «боз» (серый) образуют одну из системообразующих микросистем кыргызского цветового поля [3], тогда как «black» в английском языке формирует разветвлённую сеть переносных значений, охватывающих нравственную, социальную и правовую сферы [4].

Теоретической основой исследования служат положения лингвокультурологии и когнитивной лингвистики о том, что значение языковой единицы формируется в процессе взаимодействия языка, культуры и когнитивных структур человека [1; 2; 5].

Цветовая символика рассматривается как особый слой языковой картины мира, отражающий этнокультурный опыт народа [6].

Целью настоящей работы является выявление основных семантических значений черного цвета в кыргызском и английском языках, сопоставление концептов «кара» и «black», выраженных через метафоры, фразеологизмы и паремии, а также интерпретация амбивалентной природы черного цвета через историко-культурную призму.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили: кыргызско-русский словарь К. К. Юдахина, сборники кыргызских пословиц М. Ибрагимова и А. Садыкуловой, переводной сборник М. Баялинова, монография К. Саматова по цветообозначающей лексике кыргызского языка, Оксфордский толковый словарь А. S. Hornby, данные онлайн-этимологического словаря, а также художественный текст М. Corelli «The Sorrows of Satan» [4, 7-13].

Теоретическим фундаментом послужила концепция концептуальной метафоры Д. Лакоффа и М. Джонсона, а также подход Э. Вежбицкой к универсалиям цветового восприятия [5, 6].

Результаты исследования и их обсуждение

Этимологические основания концептов «кара» и «black». Основа «кара» имеет тюркское происхождение (qara). Первичным значением является обозначение черного цвета; однако уже в древности «кара» не ограничивалось чисто цветовой функцией: оно выступало символом

земли и массы, противопоставляясь «көк» (синему) как символу неба [3]. Выражение «кара жер» (черная земля) отражает эту символику:

«Кара жерди жамандаба, кайтып бир күн барасың» (Не брани землю — настанет день, когда ты к ней вернешься) [8].

«Уялгандан кара жер да айрылат» (От стыда и земля разверзается) [10].

Другим древним переносным значением было «простой»: темный, обыкновенный предмет противопоставлялся нарядному. Отсюда «кара тон» — рабочая одежда [7].

Согласно данным Online Etymology Dictionary, «black» восходит к древнеанглийскому blæc — «абсолютно темный». Праиндоевропейский корень bhleg — означал «гореть», «вспыхивать», указывая на связь «света» и «тьмы» через процесс горения [12].

В рукописях сосуществовали blæc (черный) и blāc (бледный, сияющий); со временем blæc закрепилось как black, а blāc — как bleak (мрачный). Когнитивный анализ показывает, что прототипическое значение «black» расширялось посредством метонимии (расовая принадлежность, эмоция) и метафоры (моральная нечистота, незаконность) [14].

Таким образом, «кара» изначально обладало более широким семантическим полем, включая символику земли и социальную маркировку, тогда как «black» исторически отличалось более узким значением и приобрело полисемию значительно позже.

Семантические зоны черного цвета. Негатив, несчастье и смерть. В обоих языках черный — прежде всего символ смерти, траура и несчастья. В кыргызском: кара кат / кара кагаз («извещение о гибели»), кара күн (день несчастья), кара тут (быть в трауре) [7].

В английском: Black Death (бубонная чума), black lung (пневмокониоз), black day (несчастный день) [4].

Данная символика является универсальной: темнота воспринимается как зона смерти и опасности во всех известных лингвокультурах [5].

Зло и грех. В кыргызском: кара ниет (плохое намерение), кара балекет (беда), кара дуа (порча, проклятие), кара ооз (пакостный рот) [7].

«Акка кара иштесе, өзү көрөт залалды» (Если он на добро ответит злом, то сам пострадает) [7].

«Акка кара жок, карага чара жок» (Честного не очернить, а нечестивого ничем не оправдать) [9].

В английском: black magic, black art (колдовство), black deeds (нечестивые поступки), black mass (сатанинская месса) [4].

В обеих культурах черный маркирует моральную нечистоту и дьявольское начало, противопоставляясь белому как символу чистоты. Данная тенденция подтверждается результатами сравнительного анализа цветовых идиом в английском языке [15].

Незаконное и тяжелый труд. В английском black продуктивно формирует единицы со значением незаконности: black market, blackmail, black money [4]. Это семантическое поле в кыргызском практически не представлено. В кыргызском, напротив, «кара» активно используется в значении тяжелого физического труда: кара жумуш:

«Карадан корккон көмүрчү эмес» (Угольщик, что боится грязи, — не угольщик) [8].

Данное различие отражает исторически разные ценностные приоритеты: в кыргызской культуре физический труд осмысливается нейтрально или уважительно, тогда как в английской правовой и торговой традиции черный маркирует нарушение нормы [16].

Красота и эстетическая привлекательность. Одним из наиболее ярких культурно-специфических явлений является позитивное эстетическое значение «кара» в кыргызском языке. Кара кыз (смуглая красавица), кара көз (черные глаза), кара чач (черные волосы), кара каш (черные брови) — метонимическое обозначение красивой девушки [7].

В условиях солнечного горного климата Кыргызстана смуглая кожа и черные выразительные глаза воспринимаются как эталон женской красоты. Это подтверждается народной лирикой:

«Көргөнүм сендей болбосо, / Кара көз, / Көрүнбөй калсын дүнүйө» (Если не встречу образ, подобный твоему, / Моя черноокая, / Пусть ослепну я в этом бренном мире) [17].

Вместе с тем «кара» в коллокации с «катын» может приобретать негативный оттенок, описывая уродливую женщину: «Алган эри жарашса, кара катын ак болот» (У хорошего хозяина черная жена станет белой) [8].

Это свидетельствует о строгой контекстуальной зависимости значения «кара». В английском «black» при описании красоты человека применяется редко. Для темных волос и глаз традиционно используется dark, для смуглой кожи — tanned, sun-kissed, olive. Тем не менее, в литературной традиции встречается описание мужской красоты через «dark»: у М. Corelli один из героев характеризуется как обладающий «his dark beauty» [13].

Классическое клише «Tall, Dark, Handsome» указывает на то, что темная внешность мужчины осмысливается как маркер мужественности. Неиспользование «black» при описании красоты объясняется в том числе расовым подтекстом, характерным для англоязычной культуры [14].

Социальные маркеры и идентичность. В кыргызском «кара» исторически маркировало социальное положение: кара калык (простой народ), «карадан тууган» (рождённый от простолюдина) [7].

В старом кыргызском обществе богатые носили белое и красное, простолюдины — черное; отсюда устойчивая коннотация «черный = бедный, простой» [11].

Семантика «кара» как социального маркера зафиксирована также в других тюркских языках — в частности, в казахском и башкирском [16].

В английском семантика «black» в социальной сфере определяется расовым дискурсом, связанным с колониальным прошлым: Black people, blackamoor (историческое оскорбление), Black Power (движение за права темнокожих), Blackfoot (представитель коренного народа) [4].

Таким образом, оба языка используют «черный» как социальный маркер, но основания этой маркировки принципиально различны.

Элегантность, статус и успех. В английском черный устойчиво ассоциируется с элегантностью и деловым успехом: black card (премиальные банковские карты), black label (высшее качество), little black dress (классика моды), be in the black (получать прибыль) [4]. Данная семантическая зона практически отсутствует в кыргызском языке и отражает особенности западноевропейской потребительской культуры, в которой черный традиционно связан с официальностью и властью.

Речевая агрессия и репутация. Особый семантический пласт образуют случаи, когда «кара» функционирует не как прилагательное или существительное, а как основа глагола «карало» — «очернять», «порочить». Это переход от цветового обозначения к динамической метафоре речевого действия, направленного против репутации человека. Данная зона в кыргызском языке паремнологически хорошо представлена:

«Бир ооз сөз абийир каралайт, бир ооз сөз жүрөк жаралайт» (Одно слово чернит честь, одно слово ранит сердце) [8].

«Жакынды жаралаба, алысты каралаба» (Близкого не рани, далёкого не порочь) [8].

В этих примерах «кара» описывает не внутреннее свойство человека, а внешнее речевое воздействие на его репутацию. Примечательно, что «каралоо» семантически отличается от «кара ниет» (раздел 2.2): там чёрное — внутренняя характеристика субъекта, здесь — результат чужого слова, направленного извне. Это свидетельствует о высокой продуктивности

корня «кара» в кыргызском словообразовании. В английском языке данная зона представлена глаголом «to blacken» в устойчивых сочетаниях: «to blacken someone's name / reputation» (очернить чьё-либо имя) [4].

Таким образом, оба языка располагают глагольной метафорой «очернения» репутации, опирающейся на один и тот же когнитивный механизм: нанесение чёрного цвета как порчи чистой поверхности. Вместе с тем в английском «to blacken» остаётся преимущественно книжным оборотом и не обладает той паремиологической закреплённостью, которую демонстрирует кыргызское «каралоо» в народных пословицах.

Когнитивная предвзятость: «кара» как проекция субъекта. Наиболее нетривиальным семантическим употреблением «кара» в кыргызской паремиологии является случай, когда чёрный цвет обозначает не объективное свойство предмета или человека, а искажение восприятия самого наблюдателя. Здесь «кара» выступает метафорой когнитивного изъяна — предвзятости, предубеждения или нечистой совести:

«Жакшы карасаң, сүттөн да кара табасың» (Если смотреть предвзято, найдёшь чёрное и в молоке) [8].

«Өзү ууру бирөөнү ууру дейт, өзү кара бирөөнү кара дейт» (Сам вор — другого вором зовёт, сам чёрный — другого чёрным зовёт) [8].

В первой пословице молоко — эталон белизны и чистоты в кыргызской культуре — используется намеренно, чтобы подчеркнуть абсурдность предвзятого взгляда: «кара» здесь существует лишь в сознании субъекта, но не в действительности. Во второй пословице проекция собственного изъяна на другого описывается через тот же цветовой код. Данный когнитивный механизм — приписывание другому своих собственных качеств — соответствует тому, что в современной когнитивной лингвистике описывается как метафора проекции [5].

В английском языке эта семантическая зона представлена отчётливо. Пословица «The pot calls the kettle black» строится на том же когнитивном основании, что и «Өзү кара бирөөнү кара дейт»: оба субъекта одинаково «чёрны», однако один обвиняет другого. Это один из редких случаев подлинной типологической параллели между двумя языками — совпадают не только смысл, но и цветовой образ [4].

Заключение

Проведённый сопоставительный анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, концепты «кара» и «black» обладают общим ядром значений: оба символизируют смерть, несчастье, зло и грех. Это свидетельствует об универсальности архетипической оппозиции «тьма — свет» в человеческом мышлении вне зависимости от языковой семьи.

Во-вторых, обнаружены культурно-специфические семантические зоны. В кыргызском «кара» несёт позитивную эстетическую нагрузку и маркирует физический труд и социальную иерархию кочевого общества. В английском «black» активно формирует семантику незаконности, связана с расовым дискурсом и, напротив, выступает маркером элегантности.

В-третьих, подтверждается тезис о том, что «кара» исторически обладало более широким семантическим полем по сравнению с «black»: в тюркских языках цветковые лексемы с древности выполняли не только цветоименовательную, но и символическую, социальную и пространственную функции.

Результаты исследования подтверждают, что культурно-исторический опыт народа является главным фактором формирования когнитивных различий в восприятии цветовой концепта. Перспективой дальнейшего исследования может стать расширение материала за счёт других тюркских языков, а также анализ динамики значений в современных медиатекстах.

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование: Исследование выполнено без привлечения внешнего финансирования.

Список литературы

1. Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 208 с.
2. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 375 с.
3. Саматов К. Микросистемы ахроматических цветообозначений ак "белый", кара "черный" и боз "серый" в кыргызском языке // Проблемы современной науки и образования. 2017. №14 (96). С. 28-39.
4. Hornby A. S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford: Oxford University Press, 2015. 1796 p.
5. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 128 p.
6. Wierzbicka A. Why there are no 'colour universals' in language and thought // Journal of the Royal Anthropological Institute. 2008. V. 14. №2. P. 407-425. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9655.2008.00509.x>
7. Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь: Около 40 000 слов. М.: Советская энциклопедия, 1965. 973 с.
8. Ибрагимов М. Кыргыз макал, лакап, учкул сөздөрү. Б., 2005. 227 с.
9. Садыкулова А. (Түз.). Макалдар жана лакаптар. Б.: Гүлчынар, 2013. 414 с.
10. Баялинов М. Смех и слезы неразлучны: 1225 кыргызских пословиц и поговорок на русском языке. Б.: Турар, 2005. 182 с.
11. Саматов К. Кыргыз тилиндеги өң-түс сөздөрүнүн лексика-семантикалык жана стилистикалык мүнөздөмөлөрү. Б.: Бийиктик, 2003. 229 с.
12. Topal I. H. Online Etymology Dictionary: A Review of <https://www.etymonline.com> // Technology in Language Teaching & Learning. 2023. V. 5. №2. P. 91-101. <https://doi.org/10.29140/tltl.v5n2.1157>
13. Corelli M. The Sorrows of Satan. Philadelphia: J. B. Lippincott Company, 1895. 486 p.
14. Fan H., Liao Y., Lou Y. A cognitive approach to the metonymy and metaphor-based study of "black" in English // Creat Educ. 2017. V. 8. №10. P. 1720-7. <https://doi.org/10.4236/ce.2017.810117>
15. Jalilzada A. Color-Indicating Idioms in English: Semantics, History, and Syntactic Patterns // Global Spectrum of Research and Humanities. 2025. V. 2. №5. P. 82-92. <https://doi.org/10.69760/gsrh.0250205010>
16. Маремукова Э. В. Лингвокультурная специфика категоризации и стереотипизации цвета в разноструктурных языках // Язык и текст. 2023. Т. 10. №4. С. 15-29. <https://doi.org/10.17759/langt.2023100402>
17. Акматалиев А. Сүйүү ырлары. Б.: Шам, 2003. 544 с.

References

1. Maslova, V. A. (2001). Lingvokul'turologiya. Moscow. (in Russian).
2. Krasnykh, V. V. (2003). "Svoi" sredi "chuzhikh": mif ili real'nost'? Moscow. (in Russian).
3. Samatov, K. (2017). Mikrosistemy akhromaticheskikh tsvetoooboznachenii ak "belyi", kara "chernyi" i boz "seryi" v kyrgyzskom yazyke. *Problemy sovremennoi nauki i obrazovaniya*, (14 (96)), 28-39. (in Russian).
4. Hornby, A. S. (2015). Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford.
5. Lakoff, G., & Johnson, M. (1980). Metaphors We Live By. Chicago.

6. Wierzbicka, A. (2008). Why there are no 'colour universals' in language and thought. *Journal of the Royal Anthropological Institute*, 14(2), 407-425. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9655.2008.00509.x>
7. Yudakhin, K. K. (1965). Kirgizsko-russkii slovar': Okolo 40 000 slov. Moscow. (in Russian).
8. Ibragimov, M. (2005). Kyrgyz makal, lakap, uchkul sözdery. Bichkek. (in Kyrgyz).
9. Sadykulova A. (2013). Makaldar zhana lakaptar. Bichkek. (in Kyrgyz).
10. Bayalinov, M. (2005). Smekh i slezy nerazluchny: 1225 kyrgyzskikh poslovits i pogovorok na russkom yazyke. Bichkek. (in Kyrgyz).
11. Samatov, K. (2003). Kyrgyz tilindegi өң-түс sözderynyn leksika-semantikalyk zhana stilistikalyk mynөzdөmөлөry. Bichkek. (in Kyrgyz).
12. Topal, I. H. (2023). Online Etymology Dictionary: A Review of <https://www.etymonline.com>. *Technology in Language Teaching & Learning*, 5(2), 91-101. <https://doi.org/10.29140/tl.v5n2.1157>
13. Corelli, M. (1895). The Sorrows of Satan. Philadelphia.
14. Fan, H., Liao, Y., & Lou, Y. (2017). A cognitive approach to the metonymy and metaphor-based study of "black" in English. *Creat Educ*, 8(10), 1720-7. <https://doi.org/10.4236/ce.2017.810117>
15. Jalilzada, A. (2025). Color-Indicating Idioms in English: Semantics, History, and Syntactic Patterns. *Global Spectrum of Research and Humanities*, 2(5), 82-92. <https://doi.org/10.69760/gsrh.0250205010>
16. Maremukova, E. V. (2023). Lingvokul'turnaya spetsifika kategorizatsii i stereotipizatsii tsveta v raznostrukturnykh yazykakh. *Yazyk i tekst*, 10(4), 15-29. <https://doi.org/10.17759/langt.2023100402>
17. Akmatalliev, A. (2003). Pesni o lyubvi. Bichkek. (in Kyrgyz).

Поступила в редакцию
07.05.2026 г.

Принята к публикации
16.05.2026 г.

Ссылка для цитирования:

Шаршенова Ж. М., Байгобылова Г. А. Цветовая метафорика черного цвета в кыргызском и английском языках // Бюллетень науки и практики. 2026. Т. 12. №7. С. 455-461. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/128/60>

Cite as (APA):

Sharshenova, Zh., & Baigobylova, G. (2026). Color Metaphorics of Black in Kyrgyz and English Languages. *Bulletin of Science and Practice*, 12(7), 455-561. (in Russian). <https://doi.org/10.33619/2414-2948/128/60>